

МАЛЬЧИК В КОРЗИНЕ

Из книги раввина Соломона Альтера Хальперна «Узник и другие истории о вере»,
публикации издательства «Фельдхайм» (ул. Тахкемони, 39, Иерусалим),
напечатано здесь с разрешения автора

И пошел человек из дома Леви, и взял в жены дочь Леви. И зачала она, и родила сына. И увидела, что он хороший ребенок, и скрывала его три месяца. И когда не могла более его упрятывать, то взяла для него корзину из тростника и обмазала глиной и смолой, и положила в нее ребенка, и положила корзину в камышах у берега реки. И встала его сестра поодаль, чтобы узнать, что будет с ним. И спустилась дочь фараона к берегу реки; и пошли ее служанки вдоль берега; и когда увидела она корзину в камышах, послала она служанку, чтобы принесла ее. И когда открыла она ее, то увидела ребенка: и вот, мальчик плачет. И сжалилась она над ним, и сказала: «Это один из еврейских детей». Тогда сказала его сестра дочери фараона: «Пойду и позову няньку из евреев, чтобы вскормила для тебя ребенка?» И сказала ей дочь фараона: «Иди, позови!», - и пошла девочка, и позвала мать ребенка. И сказала ей дочь фараона: «Возьми этого ребенка и вскорми мне его, а я тебе оплачу». И взяла женщина ребенка, и вскормила его. И вырос ребенок, и принесла его к дочери фараона, и стал он ей сыном. И назвала его «Моше», сказав: «Ибо из воды я вытянула его».

[Шмот, 2 : 1 – 10]

Было еще только утро, а день был шестое число третьего месяца, но было жарче, чем в летний полдень, и большинство деревенских ребят пошли на реку. Но Мирьям осталась. Она сидела в тени побеленной хижины и глядела на виднеющиеся вдалеке холмы. И думала...

Думать ей было о чем. В свои семь лет, - хотя люди всегда говорили, что она выглядела и говорила, как гораздо более взрослый человек, - она уже повидала немало печали, и теперь она пыталась понять, что бы все это значило, и когда кончится.

Конечно, отец сказал ей главное: что у Б-га все спланировано, хотя люди не понимают, пока все не кончится, и что, быть может, даже в этот момент Он делает что-то для будущего исполнения Своего давнего обета. Ведь разве не содеял Он чудеса, чтобы дать Йосефу свободу и могущество, даже в то время, когда отец оплакивал его, считая мертвым?

Да, отец Мирьям был великим учителем. Ведь и переехал он в этот район долины Нила только для того, чтобы учить своих бедных собратьев, которых выселил сюда фараон.

МАЛЬЧИК В КОРЗИНЕ

Сам-то он мог бы оставаться в Гошене, ибо принадлежал к колену Леви и был свободным.

Это случилось перед тем, как родилась Мирьям. В том году фараон начал ужесточать условия труда для евреев и вообще перестал им платить. Потому ее и назвали Мирьям, как рассказала ей мама, ибо «Мирьям» означало «горечь». Но она горечь не испытывала. Всякий раз, наблюдая какую-то очередную жестокость, она начинала думать о том дне, когда Б-г их освободит и даст им чудесную землю.

Конечно, пока что было трудно. Она часто ходила с мамой помогать людям, заболевшим от тяжелого труда и жестоких наказаний, и хотя ей самой хотелось плакать, она всегда пыталась развеселить их.

- Не унывайте – говорила она, - и не думайте о себе как о рабах! Настанет день, когда мы все будем вновь свободны и счастливы, и тогда пойдем, почему Б-г на нас все это навел. Как будет здорово, когда у всех нас будут собственные поля и леса, и дома!

И забитые люди улыбались и говорили:

- Слушайте ее! Прямо как маленькая пророчица! Дай Б-г, чтобы ее слова сбылись! Но, Б-же мой, поскорее!...

А однажды сам папа назвал ее пророчицей, и вполне серьезно. Было это так:

Три года тому назад, примерно, когда родился ее младший брат Аарон, фараон задумал ужасное дело: он приказал, чтобы убивали всех новорожденных мальчиков. Сначала он пытался тайно заставить акушерок душить младенцев, как только они появятся, и говорить, что они рождаются мертвыми. Но вскоре выяснилось, что акушерки не подчиняются его указаниям. Тогда он послал солдат, чтобы выискивали новорожденных мальчиков и бросали их в Нил. Любое сопротивление каралось пытками и смертью.

Когда это случилось, папа Мирьям много дней ходил весь серьезный и печальный, и в конце концов сказал маме:

- Я долго думал о том, что мне делать. И решил, что раз никак не могу спасти детей, то по крайней мере должен позаботиться о том, чтобы не рожались новые, которых тоже убьют.

Он взял маму за руку и продолжил:

- Я очень тебя люблю, Йохевед. Но нам придется развестись, пока Б-г не смилуется и не закончит эту ужасную беду!

И они оба плакали. Плакала и Мирьям, хотя она не совсем понимала, что все это значит. Потом, когда он упаковал свои вещи и собрался уходить, она побежала за ним, плача:

- Куда ты, папа?! Куда ты от нас уходишь?!

И он взял ее на руки и сказал:

МАЛЬЧИК В КОРЗИНЕ

- Не плачь, дитя! Я только на время уйду в соседнюю деревню пожить там. Так надо. И ты можешь каждый день приходить и рассказывать, как мама и ребенок.

Йохевед приняла все это смиренно.

- Папа великий и мудрый человек, - сказала она Мирьям, - и если он говорит, что так правильно, то можешь быть в этом уверена.

Но с течением времени Мирьям все более чувствовала, что так все-таки неправильно! Что-то было не так. Ей часто хотелось сказать это папе, но как можно говорить такое отцу – особенно такому мудрому и хорошему человеку, как Амрам?

Но как-то раз она наблюдала, как мама держала в руках детскую одежду, из которой Аарон уже давно вырос, и тихо плакала... И она поняла, что Йохевед хочет еще ребенка.

Тогда Мирьям ужасно разволновалась и побежала прямо к папе. Вся красная и задыхающаяся от быстрого бега, она ворвалась в дом и закричала:

- Ты хуже самого фараона!!! Он убивает мальчиков, а ты уничтожаешь весь народ! Ты знаешь, что за весь год в деревне не родилось ни одного ребенка?! Это, наверное, из-за тебя, потому что люди берут с тебя пример!

Она еще много чего сказала, но сама не помнила что, пока ей позже не рассказал папа. По его словам, она тогда сказала: «Слушай, Амрам бен Ке́хат: ребенок, о котором молится Йохевед, выведет отсюда еврейский народ!»

Но сама она помнила лишь то, что папа взял ее на руки и укачал, а когда она открыла глаза, он с нежностью произнес:

- Успокойся, детка. Ты права, я поступил неправильно. Мне следовало положиться на Б-га и дать ему позаботиться обо всем. Да свершится Его боля...

Вскоре отпраздновали свадьбу – и какая странная была свадьба: перед женихом и невестой танцевала Мирьям, а также маленький Аарон, своими смешными, неуклюжими шажками. И в скором времени по всей округе справили еще много таких свадеб.

Три месяца назад родился мальчик. И как только он родился, на весь дом воссиял великий свет, ярче летнего дня. Его почувствовали и знакомые в округе, и устремились к их домику. Они глядели на младенца и говорили:

- Как он хорош! Сразу видно, какой он хороший. Да принесет он добро и свет в эти темные и окаянные времена.

И его называли Товия, что означает «Б-г добр». И Амрам похлопал Мирьям по плечу и сказал:

- Я верю, что твои слова об этом ребенке сбудутся. Твоими устами говорил Сам Б-г. Моя маленькая девочка – пророчица!

Она обожала ребенка. Он был такой хороший и умный. Конечно, им пришлось его скрывать, ибо египтяне часто приходили проверять, не родился ли где мальчик. Они

МАЛЬЧИК В КОРЗИНЕ

выбили нишу в стене за занавесом кровати, и там спал маленький Товия. Он никогда не плакал, как будто понимая, что это опасно. Но ему никогда и не приходилось плакать, потому что Мирьям постоянно заглядывала и проверяла, не проснулся ли он, и если замечала по тому, как он шевелил губами, что он уже проголодался, то сразу же брала его к маме.

Пока все хорошо, думала Мирьям. Только бы египтяне не устроили серьезный обыск...

Вдруг до Мирьям донесся топот – кто-то быстро бежал. Через минуту появилась пожилая женщина из соседней деревни, подруга Йохевед. Она тяжело дышала. Мирьям пригласила ее войти, и та поведала ужасные новости:

- В нашей деревне солдаты! Обыскивают каждый дом ... под кроватями ... пробуют на прочность стены ... Они носят с собой младенцев, заставляя их плакать, так, чтобы и упрятанные младенцы начали плакать. Они говорят, что теперь во что бы то ни стало должны найти всех до одного, ибо это последний обыск. Придворные астрологи сказали фараону, что еврейский вождь уже родился, и они должны его найти. И после этого, говорят, они оставят младенцев в покое. Я не знаю, что вам делать, но я должна была вам рассказать, а вы передайте соседям и другим жителям деревни. Мне надо быстро вернуться к себе и притвориться, что все время работала в поле, иначе меня будут пытаться за то, что вам рассказала.

Йохевед сразу пошла рассказывать соседям. А Амрам сказал Мирьям:

- Это ужасно, но не теряй надежду. Б-г всегда может помочь. Да поможет Он нам теперь придумать умный план действия. Оставайся с детьми, пока не придет мама. А я скоро вернусь.

И он вышел, как обычно, когда хотел поразмышлять в уединении.

Мирьям осталась с маленьким Аароном, который продолжил весело играть в игрушки, и с младенцем. Она вынула его из потайного места и поцеловала. Она плакала, но он ей улыбался, и вскоре начала улыбаться и она, и с ним играть. И молилась: «О Б-же, не покидай же такого сладенького и хорошенького ребенка!»

Йохевед вернулась испуганная и заплаканная, но, увидев детей, играющих так безмятежно, она немного успокоилась.

- Дай его мне, - сказала она, - покормлю еще разок...

Мирьям смотрела, как мама его кормила, и видела, как постепенно она становилась все более спокойной и умиротворенной. Да, подумала она, прямо в минуты опасности Б-г шлет нам мир...

Затем вернулся Амрам. Его лицо выражало торжественное спокойствие, глаза сверкали. Он продолжал стоять и сказал медленно и тихо:

- Б-г ответил на мои молитвы. Он послал мне добрый совет, весьма необычным образом... Интересное дело, сначала у меня в голове вертелась только одна мысль, казалось бы, не связанная с нашей проблемой: египтяне ведь ни разу не упомянули

МАЛЬЧИК В КОРЗИНЕ

повеление топить детей, они все время говорят: «Бросайте их в реку». Не «топите», а «бросайте в реку»... И вдруг я понял, что надо делать! Самое безопасное место для нашего ребенка – в реке!

- В реке?! – вскрикнула Йохевед. Но сразу же поняла:

- Правильно! Никто не будет искать младенца в реке! Если спрятать его там, в маленькой лодочке, он может остаться в безопасности, пока не кончится обыск... А ведь это, говорят, последний обыск... Потом, может быть, удастся притвориться, что он родился после этого. Но... это так опасно! А если лодка перевернется, когда рядом никого нет? Или солдаты останутся надолго – он умрет с голоду! А если кто-то услышит, как он плачет...

И она снова заплакала.

Амрам положил ей руку на плечо:

- Конечно, дорогая, это опасно, но в такой же опасности находятся тысячи других людей. В такой момент надо сохранять мужество. Б-г желает, чтобы мы сделали все, что можем; используем все возможные идеи, а затем положимся на Него. И теперь давай подумаем, как это сделать, ибо нельзя терять ни минуты.

Йохевед собрала все силы. Она принесла корзину, свитую из сухого тростника, и обмазала ее глиной и смолой, чтобы сделать водонепроницаемой. Она положила в нее ребенка, накрыла крышкой, тоже свитой из тростника, но не смоленной, чтобы внутри заходил воздух.

Мирьям вышла в сторону тихого места на реке, и когда она просигналила, что вокруг никого нет, Йохевед быстро пошла за ней и спрятала корзину в камышах, довольно далеко от берега. С трудом заставив себя оторваться от корзины, она поспешила домой.

Но Мирьям не стала возвращаться. Она нашла удобное место немного подальше у реки, откуда могла наблюдать за проходящими по ней лодками. Солнце нещадно палило, но она твердо решила оставаться там, пока не узнает, что же случилось.

Время шло. Она видела, как в деревню входили солдаты. И молилась...

Вдруг со стороны дороги, проходящей вдоль реки, до нее донесся конский топот. Вскоре она разглядела всадников и колесницы. Это может быть еще один отряд солдат с обыском. Она вошла в воду и встала посередине камышей, в надежде, что ее не заметят.

Колесницы остановились – недалеко от того места, где был упрятан ребенок. Оглядевшись, Мирьям увидела, что солдаты спешили и оцепили всю прилегающую территорию. Что бы это значило? Неужели их кто-то выдал?

Затем она увидела, как из колесницы вышла важная дама. Вокруг нее столпилось много прислуги с большими веерами и зонтиками. В их сопровождении она направилась вниз к берегу реки. Там она скинула свою мантию и, оставшись в льняных обтягивающих одеждах, вошла в воду.

МАЛЬЧИК В КОРЗИНЕ

«Что это такое? – подумала Мирьям. – Знатная дама желает искупаться, и на всем протяжении этой длиннейшей реки ей надо было выбрать именно это место! Если она подойдет еще хоть чуточку поближе, она заметит корзину. О Б-же, молю тебя, не покидай ребенка!»

Но дама подплывала все ближе и ближе, а служанки шли за ней по берегу. И вот, она их позвала. Мирьям содрогнулась.

Одна за другой служанки пытались дотянуться до корзины, но, хотя это вроде бы было нетрудно, каждая из них поскользнулась и упала в воду. Оттуда они не могли выбраться сами, и к ним приходили на помощь другие.

Мирьям подобралась поближе. Солдаты ее не заметили, теперь они следили за обстановкой вокруг охраняемой ими территории, а прислуга была слишком занята вылавливанием корзины из воды, чтобы обратить внимание на какую-то девочку.

Теперь ей удалось разглядеть получше купающуюся даму. То была принцесса Батья, дочь фараона! Мирьям видала ее в разных процессиях.

Принцесса сама протянула руку и дотянулась до корзины. Мирьям с напряжением следила за каждым ее движением. «О Б-же, - молилась она, - даже теперь Ты можешь помочь!»

Ребенок заплакал. Принцесса взяла его на руки, и он успокоился и улыбнулся ей. Некоторое время она продолжала стоять в воде с ребенком на руках. Затем вышла на берег. Ее лицо выражало мягкость и нежность, как у матери с собственным ребенком на руках.

Поднявшись на берег, она обратилась к одной из фрейлин:

- Это, должно быть, один из еврейских младенцев.

И, стоя на берегу, продолжила с ним играть.

- Об этом нужно донести, Ваше высочество, - сказала одна из сопровождающих. Принцесса выпрямилась и сжала ребенка в руках.

- Ты мне приказываешь?! – спросила она жестко.

- Да простит меня Ваше королевское высочество, - ответила фрейлина, - но Его величество издал указ. И, наверное, членам его собственного дома полагается выполнять его еще усерднее, чем всем остальным?

Больше никто не осмеливался заговорить, и принцесса продолжала стоять неподвижно, со слезами на глазах. Затем понурила голову и побрела обратно к воде.

Она положила ребенка в корзину и укрыла его. Затем повернулась, чтобы уйти, но... не сдвинулась с места. Она неподвижно застыла, приложив ладонь ко лбу и закрыв глаза.

«Что с ней? Ей плохо?», – подумала Мирьям. Что будет теперь? Она уже не знала, о чем молиться. Теперь только Б-г знал, что лучше.

МАЛЬЧИК В КОРЗИНЕ

Наконец принцесса вышла из оцепенения. Она снова взяла ребенка и вышла на берег. Теперь выражение ее лица изменилось. Казалось, что она... - думала Мирьям, глядя на нее, - ...что она... только что долго и серьезно молилась.

Она твердым голосом обратилась к фрейлинам:

- Отныне этот ребенок мне сын. Так пожелала я, Батья!

- Ваше высочество... - беспомощно опустилась перед ней на колени фрейлина.

Принцесса продолжила уже более мягким тоном:

- Ведь ты обо мне заботишься, не так ли? Говорю тебе, моя жизнь связана с жизнью этого ребенка. Что-то говорит мне, что он принадлежит мне, а я - ему. На то воля Небес, и, что бы ни случилось, я должна ей следовать. Посмотри сюда, что случилось с моей сыпью! - она обнажила плечо - помнишь, какой она была утром? А теперь?

Фрейлина взглянула на плечо.

- Ваше высочество исцелены! - изумленно воскликнула она.

- Исцелена, исцелена сейчас Б-гом, Который хранит этого ребенка! И могу ли я идти против Его воли?

Фрейлина глубоко поклонилась:

- Я ваша раба, воля ваша.

Ребенок заплакал.

- Он, должно быть, проголодался, - сказала принцесса. - Мантию мне! - приказала она, - и капитана!

Подбежал капитан гвардейцев и отдал честь.

- Ты и твои люди принесли мне клятву. - обратилась она к нему. - Приказываю вам, чтобы ни о чем, увиденном вами сегодня, никогда никому не говорили. А теперь возьмите колесницу и привезите ко мне кормилицу! Нет, стойте! Привезите всех, которых найдете во дворце. Я хочу выбрать лучшую.

И она продолжила качать ребенка и мягко с ним говорить. Мирьям потихоньку встала среди фрейлин. Никто не обратил на нее внимания. Все столпились вокруг принцессы и выражали восхищение ребенком.

Немного погодя капитан вернулся с тремя кормилицами.

Принцесса выбрала одну из них и дала ей ребенка. Но он не захотел есть и каждый раз отворачивался.

- Не понимаю, - сказала женщина, - он голоден, но отказывается есть! Может быть, что-то во мне ему не нравится?

Но с другими двумя произошло то же самое.

МАЛЬЧИК В КОРЗИНЕ

И тут Мирьям почувствовала, что настало время ей вмешаться. Она, как только могла, набралась смелости, выступила вперед и склонилась на колени перед принцессой.

- Не угодно ли Вашему высочеству, чтобы я пошла и позвала кормилицу из евреек, чтобы выкормила для вас ребенка?

Принцесса даже не выказала удивления.

- Да, ступай! – ответила она и продолжила качать ребенка.

Мирьям сломя голову помчалась в деревню и позвала маму. По дороге она рассказала ей обо всем, что произошло. Йохевед только и нашлась, что сказать:

- Чудесны пути Б-га!..

Овладев собой и не показывая эмоций, они подошли к принцессе.

- Возьми этого ребенка, - сказала Батья, - и покорми его.

Ребенок сразу начал есть. Принцесса с нежностью наблюдала. Когда кормление закончилось, она сказала:

- Заботься о нем и выкорми его, а я хорошо тебе заплачу. Но если с ним что-нибудь случится, ответишь головой.

И они забрали его домой. Принцесса часто посылала за ним и все больше его любила.

Когда ребенок наконец был выкормлен, Йохевед с тяжелым сердцем пришлось вернуть его принцессе. Но Мирьям сказала:

- Мама, я уже сделала одно предсказание о нем, и папа сказал, что оно исполнится. И говорю тебе сейчас: мы его не теряем. Он останется евреем и слугой Б-га, даже во дворце фараона. Возможно, сегодня об этом будет знамение.

И принцесса напоследок спросила:

- Какое слово в еврейском языке означает что-то, вытянутое из воды?

- «Моше», Ваше высочество, - ответила Йохевед.

- «Мо-се?» - повторила принцесса. – Это звучит хорошо и на нашем языке. Путь будет «Мо-се», ибо из воды я вытянула его. Но так повелел мне ваш Б-г, и он принадлежит Ему так же, как и мне. И я уверена, что он вырастет хорошим и даже великим человеком.

O. Y. Baddiel
London, England

O. I. Baddiel
Лондон, Англия

Translated from the English by Rabbi Meir Moutchnik, to whom many thanks.

Перевод с английского Меира Мучника, которому выражается благодарность.